

УДК 801.82  
ББК 81.0

**Л.Г. Чапаева**

**«ЕВРОПЕИЗМ»  
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ  
КОНЦЕПЦИИ  
Н.И. НАДЕЖДИНА**

Лингвистическая концепция Николая Ивановича Надеждина, выработанная в 1830-х гг. в контексте споров славянофилов и западников о русском литературном языке, представляет некий синтез *своего* и *чужого*, т.е. иноязычного, европейского. Оригинальность концепции состоит в том, что под «европейским» Надеждин подразумевает славянские языки. Выдвигая идею обогащения русской лексики за счет слов из других славянских языков, он пытается ее реализовать в собственной языковой практике. В статье анализируется не исследованное ранее сочинение Надеждина «Род Княжевичей».

**Ключевые слова:** *Надеждин, заимствование, русский язык, сербский язык, славяне.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-132-138

**Чапаева Любовь Георгиевна** – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры общего и прикладного языкознания Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета  
Тел.: +7 (916) 370-41-50  
E-mail: lg4@mail.ru

© Чапаева Л.Г., 2016.

В истории русской культуры и филологии Надеждина можно отнести к исследователям, несправедливо забытым или недооцененным, в то время как современники, особенно специалисты в области истории славистики и русистики, живо откликались на его достаточно редкие выступления в печати.

Николай Иванович Надеждин (1804–1856), профессор Московского университета по кафедре теории изящных искусств и археологии, в начале 30-х гг. более известен как яркий московский журналист и литературный критик. Разночинец по происхождению (его отец был дьяконом, затем священником), он закончил духовную семинарию и Московскую духовную академию, где получил основательное философское образование. Надеждин обладал широкой филологической культурой, хорошо знал несколько языков, не только современных, но и древних, античную, древнееврейскую и западные литературы, развивал новое эстетическое направление в русской культуре – философскую эстетику и критику.

После опубликования в «Телескопе», редактором которого он был, в 1836 г. знаменитого письма Чаадаева, журнал запрещен, а Надеждин арестован и отправлен в ссылку сначала в Усть-Сысольск, а затем в Вологду. Вернувшись из ссылки в 1839 г., Надеждин перебирается в Одессу и занимается в основном географией и этнографией. Кроме этнографии его интересует история славян и их языки, история скифов, события на Балканах. Он признает культурно-историческую общность всех

славян и видит особую роль России в славянском мире. Он тщательно собирает и анализирует все сведения по истории, филологии, культуре, современному состоянию славянских народов вне России, контактирует с известными славистами Шафариком, Караджичем, Миклошичем и другими и вносит существенный вклад в развитие славистики.

Оценивая роль Надеждина, И.В. Ягич писал: «Жаль, что не взяли верх в России такие трезвые люди, знатоки славянских стран, как например Надеждин, напечатавший в "Москвитяине" очень дельное открытое письмо о славянском вопросе и пресловутом панславизме» [Ягич, с. 306]. Многие его статьи по этнографии, лингвистике, археологии, географии, фольклористике разбросаны по разным периодическим изданиям и до сих пор не собраны и не опубликованы, хотя в последние годы новые интернет-ресурсы, благодаря заинтересованным публикаторам и собирателям его работ, позволяют познакомиться с некоторыми из них, выходящими либо в журналах 1840 – 1850-х гг., либо совсем небольшими тиражами.

Выступив с критической статьей «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности» [«Телескоп», 1836, № 1-2; см.: Надеждин, 1972], Надеждин предложил концепцию формирования русского литературного языка, без которого не может идти вперед литература. Развивая магистральную для 1830-х гг. идею народности, он предлагает собственное видение современной языковой ситуации. Как человек «практический», Надеждин не ограничивается декларациями идей, а находит конкретные пути и способы для реформы русского языка, выделив предварительно две его составляющие: «материю, вещество», т. е. лексику, и «формы» или «образ», т. е. синтаксис. Именно эти языковые уровни следует изменить и усовершенствовать, чтобы сделать русский язык истинно народным, а также пригодным для устного и письменного общения.

В целом Надеждин рассматривает европеизм, т.е. «чужое», как слепое копирование и заимствование лишь внешних европейских черт. Но если под европеизмом понимать принцип народности, ставший в Европе основанием культурного развития, то подражание, выражающееся в уважении себя, своего национального достоинства, в осознании самобытности как у французов, немцев и других европейцев, должно только приветствоваться. «Питаться европейской жизнью, чтобы быть истинно русским», пишет Надеждин [Надеждин, 1972, с. 443].

Его программа преобразования русского литературного языка, а точнее – создания это результат соединения *своего*, русского, и *чужого*, заимствованного.

По мысли Надеждина, лексическое богатство русского языка неоспоримо, но это богатство отличается стилистическими крайностями: между просторечием и высоким слогом – огромный разрыв, который заполняется часто заимствованиями. С другой стороны, имея множество синонимов для одних понятий, для других русский язык не имеет ни одного слова. Это связано и с объективными причинами: отсутствием

определенных идей и понятий в русском сознании. Заимствование их из иной культуры предполагает естественное заимствование и обозначений. Такого рода заимствования оцениваются как естественный процесс развития и обогащения языка, так как «у нас недостает слов для идей общих, мировых, для идей, которые принадлежат не одному народу, а всему человечеству» [Там же, с. 430].

Но для заимствований нужно найти новый источник, отвечающий духу русского языка как одного из славянских. Для русского языка таким прекрасным источником пополнения не только лексики, но вместе с ней и родственных, нужных идей должны стать европейские славянские языки, обладающие «живой, богатой, могущественной литературой» [Там же, с. 435], т.е. развитой формой письменного литературного языка, отражающего высокий европейский уровень, но сохраняющего свою славянскую самобытность. «Так, например, варварское слово *“университет”*, которое досталось нам из латинского языка с немецким прибавком на хвосте и которого русский простой человек не умеет и выговорить, славяне называют и просто, и ясно, и легко: *“всеучилище”!* Итак, вот средство пополнить, обогатить, взрастить язык наш со стороны лексикографической: изучение славянских языков и наречий!» [Там же, с. 436].

Именно с этой позиции для Надеждина европеизм как направление, характеризующее ориентацию русской культуры на Европу, обладает положительной коннотацией, так как речь идет о родственных по духу и языку славянах, живущих в Европе и развивающих европейские идеи естественно, а не заимствуя их у других народов. «Отсюда открывается самый прямой, самый законный способ обогащать язык: надо изучать его не отдельно, а в семействе, к которому он принадлежит! Наш язык принадлежит к многочисленному семейству славянскому: итак, вот где рудники его богатства! Я не разумею здесь мертвого церковнославянского языка, а весь этот рой живых наречий, которыми оглашается большая половина Европы <...>. Какое-то странное ослепление закрывает от нас эту дружную, однокровную, одноплеменную половину Европы <...> Многие ли у нас знают, что до Адриатического моря русской может ехать с одним своим языком; что, например, в Бринне (Брно), за двадцать миль от Вены, он поедет улицей, на которой написано крупными буквами: *“мещанска улица”*; что каждое урочище, каждый ручеек, каждый холмик, каждая деревня будет откликаться ему знакомым именем» [Там же, с. 434].

Любопытно, что Надеждин не был одинок, предлагая заимствовать нужные слова из славянских языков. В свое время то же самое предлагал А.С. Шишков. Впрочем, в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. таких слов все-таки нет.

Из всех славянских особо Надеждин выделяет язык сербский, «начавший так быстро развиваться, несмотря на патриархальную безграмотность двора Крагуевецкого!» [Там же, с. 436]. В связи с этим оканчивается очень интересным то, как сам Надеждин в свои более поздние

тексты вводит заимствования из сербского языка. Речь идет о сочинениях, ставших результатом его длительного путешествия по южнославянским землям в 1840 – 1841 гг.

Как уже упоминалось, в 1839 г. Н.И. Надеждин перебирается в Одессу, где в этом же году образуется Общество истории и древностей. Президентом общества стал Дмитрий Максимович Княжевич, род которого имел свои корни в Сербии, куда они вместе с Надеждиным и отправились в сентябре 1840 г. (см.: [Надеждин, 1842а, с. 87]). Формальной целью поездки было собирание сведений о роде Княжевичей и знакомство с бытом и культурой сербов. Любопытно, что часть пути сопровождал их серб Вук Караджич, к тому времени уже прославленный фольклорист, знаток сербских народных песен; об этом Надеждин упоминает в Записке (см. [Там же, с. 98]).

Результаты путешествия с разной степенью полноты были опубликованы в 1842 г. (см.: [Надеждин, 1842а, 1842б]). «Род Княжевичей», изданный незначительным тиражом и в настоящее время доступный практически только в электронном виде, начинается пространными путевыми заметками или дорожным дневником. Именно в этом дневнике можно увидеть различные способы введения в русскоязычный текст сербских слов. Чаще всего, конечно, Надеждин вводит их либо с переводом, либо с толкованием, например: *Туземные поселяне приписывают все эти памятники какой-то «Црной-Кралице» (kraljica), то есть Чёрной Королеве; добрый пост-кнехт указал нам в соседстве «биртию», род постоялого дома; О конях свидетельствовал «бирташ», то есть хозяин биртии, что кони добрые. Влево, на высоте, поросшей густым лесом, воздымается величественный, уже разваливающийся, но ещё не совсем развалившийся замок, которому имя Щитар: его называют также Витезова-Кула, то есть Замок Витязя; Скоро мы достигли до Перушича, большого селения при ротном дворе, также с развалинами кулы или замка; Сама поднесла нам «ракии» (водки); потом приготовила «каву» (кофе); Он взял свою «капу» (шапку) и палку, и пошёл указывать нам дорогу; В одном углу стояли «кросна»: так называется здесь ткацкий домашний стан. соседателю (члену) консисториума православной епархии Карльштадтской.* [Надеждин, 1842б].

Отдельные слова вводятся без комментария, вероятно, Надеждин считает их и так понятными русскому читателю: *Девойки, освежённые утреннею прохладою, с ярким румянцем здоровья и юности на щеках, весело спешили сюда за водою; род постоялого дома, где мы действительно нашли особую камору; «Господа!» – сказал он, поздоровавшись с нами: «Кнежевичей надо искать не здесь, а на Убине. Там их грунты и кучи; Хочу в последний раз, перед смертью, сжечь ещё хоть одну турецкую кучу и застрелить хоть одного неверного!» – отвечал спокойно Омчикус); «Это куча покойного майора Мата», – сказал он. – «Но теперь, – примолвил с печальным вздохом, – и дом и грунт уже не наши, не рода Кнежевичей» (впрочем, к слову куча дается подстрочное примечание: «Куча» значит по-сербски «дом»). Замечательно, что и у нас в России,*

именно в Рязанской губернии, простой народ называет свои дома также «кучами» [Там же]. В данном случае с автором трудно согласиться, так как в Словаре русских народных говоров данное значение у слова *куча* отсутствует; близким можно считать лишь значение ‘добро, имущество’ и не в рязанском, а в северных говорах [СРНГ 1980, с. 187]; *после обыкновенного сербского приветствия: «Добро дошли!»; Долго же вы путовали!* – сказал Омчикус, усадив нас; Откуда вы *сведали*, что мы сюда будем? [Надеждин, 1842б].

Лексикографический анализ использованных автором сербских слов привел к следующим выводам. Во-первых, не все из них отражены в большом и авторитетном Словаре сербскохорватско-русского языка (например, *камора, грунт, бирташ, буневаи*) [Толстой].

Во-вторых, большая часть тех, что нашли отражение в этом Словаре, имеют помету *обл.*, т.е. это диалектные лексемы. Например: *кула* – ‘1) башня; 2) обл. каменный дом’; *биртија* – обл. ‘трактор’; *кросна* – обл. ‘ткацкий станок’ [Толстой].

В-третьих, слова, не объясненные Надеждиным и не отраженные в Словаре, могут иметь общеславянский характер и сохраняться в диалектах как русского, так и сербского языков. В частности, слово *камора* М. Фасмером рассматривается как «общеслав. *комора*, отмечено и в сербск.: Происходит от общеслав. *Комога*, ср: русск.-церк.-слав. *комора*, русск. *камо́ра* и *комора*, укр. *комо́ра*, сербохорв. *ко́мора* “палата, камера, кладовая, чулан”, словенск. *комога*, чешск. *комога* “палата; кладовая”» [Фасмер II, с. 305].

Слово *грунт* (*грунты*) М. Фасмер приводит только в значении ‘почва, основа’ как заимствованное в русский язык из немецкого через польское посредство [Фасмер I, с. 464]. Но в СРНГ отмечено значение, явно совпадающее с диалектным же сербским: ‘1. Грунт, а, м. «Разряды, сорта, на которые делить пашни». Волог., Иваницкий, 1883–1889. 2. Огород. ‘Мне отбили хороший грунт’. Смол., 1958. [СРНГ 1972, с.169], что позволяет слово *грунт* в значении ‘земельный надел’ считать также общеславянским.

Без комментария дан историзм *капетан* (Надеждин пишет *капитан*, вероятно, воспринимая слово в современном ему значении как воинское звание): *жена капитана Васа, командира роты; Наши расспросы о капитане возбудили любопытство бирташа, который, разведав от Вука, кто мы, дал знать капитанице, что приехал «Негова Ексцелленция г. Кнежевич из Руси», родственник капитана* [Надеждин, 1842б]. На самом деле слово «капетан» в то время значило ‘начальник’ города, округа, уезда’ [Толстой]; в этом же словаре указано еще одно значение с пометой *ист.*: ‘начальник отряда (у хорватских повстанцев)’.

В заключение можно сказать, что, оказавшись на территории южных славян, разных по вероисповеданию и национальной принадлежности, но объединенных общим языком (до недавнего времени его называли сербскохорватским), Н. И. Надеждин именно этот язык называет сербским, подчеркивая его близость и понятность носителю не только

русского литературного языка, но и владеющему одним из его говоров. Он слушал и фиксировал язык живой, преимущественно сербский, как он отмечает [Надеждин, 1842а, с. 99]. Это и позволяет автору путевых записок свободно включать в свой рассказ «сербские» слова, не всегда их поясняя. Таким путем Н. И. Надеждин реализует на практике один из выдвинутых им в 1836 г. способов обогащения русского языка. Понимание Надеждиным европеизма в языке оказывается близким к позиции архаистов, которой в целом следовали и славянофилы 40-х гг. Хочешь быть европейцем – будь русским! Принцип, выдвигаемый впоследствии славянофилами: Россия должна войти в состав европейских народов, усилив свою «особость», самобытность. И русский язык тогда станет европейским, по мнению Надеждина, когда избавится от чужого, без пользы заимствованного, разовьет свои собственные формы, правда, обогатившись лексически за счет братских славянских, уже европейски обработанных, языков, и вернется к чистым народным формам.

### Литература

*Надеждин Н.И.* Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журн. Министерства народного просвещения. Ч. XXXIV. Отд. II. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1842а.

*Надеждин Н.И.* Род Княжевичей. Одесса, 1842б. 102 с. [Электронный ресурс]. URL: [www.proza.ru/2015/09/14/13](http://www.proza.ru/2015/09/14/13) (дата обращения 01.03.2016).

*Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика / вступ. статья, составление и комментарии Ю. В. Манна. М.: Худ. литература, 1972.

Словарь русских народных говоров. Вып. 7 (Гона – Депеть). Л.: Наука, 1972.

Словарь русских народных говоров. Вып. 16 (Куделя – Лесной). Л.: Наука, 1980.

*Толстой И.И.* Сербскохорватско-русский словарь. 54 000 слов: 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1976.

*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева : в 4 т. М.: Прогресс, 1967.

*Ягич И.В.* История славянской филологии. М.: «Индрик», 2003.

### References

Nadezhdin N.I. Zapiska o puteshestvii po yuzhno-slavyanskim stranam // Zhurn. Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Chast' XXXIV. Otd. II. SPb.: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1842a. S. 87-106.

Nadezhdin N.I. Rod Knyazhevichei. Odessa, 1842b. 102 s. [Elektronnyi resurs]. URL: [www.proza.ru/2015/09/14/13](http://www.proza.ru/2015/09/14/13) (data obrashcheniya 01.03.2016).

Nadezhdin N.I. Literaturnaya kritika. Estetika / vstup. stat'ya, sostavlenie i kommentarii Yu. V. Manna. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. 576 s.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vypusk 7 (Gona – Depet'). L.: Nauka, 1972. 355 s.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vypusk 16 (Kudelya – Lesnoi). L.: Nauka, 1980. 376 s.

Tolstoi I.I. Serbskokhorvatsko-russkii slovar'. 54 000 slov: 4-e izd., stereotip. M.: Russkii yazyk, 1976. 735 s.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka / per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva : v 4 t. M.: Progress, 1967.

Yagich I.V. Istoriya slavyanskoi filologii. M.: «Indrik», 2003. 976s.

**Chapaeva L.G.** (Moscow, Russian Federation)

**«Europeism» in N.I. Nadezhdin's linguistic concept**

The linguistic concept of N.I. Nadezhdin worked out in the 1830s in the context of dispute between Slavophiles and Westerners on the Russian literary language, is a synthesis of own and alien, i.e. foreign language, European. The originality of the concept lies in the fact that under the «European» Nadezhdin means Slavic languages. Advancing the idea of enriching Russian vocabulary by words from other Slavic languages, he is trying to implement it in his own language practice. The article analyzes previously not studied composition by Nadezhdin «Rhode of Knyazhevich».

**Key words:** *Nadezhdin, borrowing, Russian, Serbian, Slavic.*

**Chapaeva Lyubov Georgievna** – Ph.D. of philology, associate professor, professor of common and applied linguistics. Moscow Pedagogic State University. Phone: +7 (916) 370-41-50; e-mail: lg4@mail.ru